

Все заплодировали, а я завершил историю поимкой и передачей еретиков Инквизиции. Дознаватель сиял от гордости, но, заметив, что Селеста увлечена беседой с Идирой, помрачнел и отвернулся к звёздам за окном. Вот оно что... Он неравнодушен к ней. В игре это не имело значения, но здесь... Впрочем, совать нос в любовные дела инквизитора — верный путь к казни. Лучше двигаться дальше.

— А теперь, завершая выступление сегодняшнего автора... Поэма. "Ворон".

Абелард неожиданно опустился на небольшой пуф у окна, отвернувшись к россыпи звёзд. Я замешкался, глядя на Селесту. Она с любопытством наблюдала за своим сенешалем.

— Абелард? — в её голосе слышалась забота.

— Прошу... — он не обернулся. — Продолжай.

Теперь я понял. В этот раз поэма зазвучала иначе, глубже. Порой, зная историю наперёд, ты заново переживаешь все эмоции — сначала разом, как воспоминание о первом прочтении, затем снова, с каждым словом. Именно это придавало такой живости рассказам Кассии. Но сейчас я задел за живое обычно невозмутимого старика. В каждом упоминании Ленор он слышал имя своей жены.

Селеста не смотрела на меня — она наблюдала, как скорбит человек, заменивший ей отца. Если её история совпадала с той, что я создал в игре... Знатное происхождение, детство среди шпилей улья, где к ней относились с презрением из-за незаконного рождения. Бегство в Имперский Флот, внезапно проявившийся дар псайкера. Сертификация, обучение, военные кампании... А потом выяснилось, что тот самый дворянин, из-за которого она родилась вне брака, принадлежал к династии фон Валанциус. Это сделало её подходящей фигурой для планов Теодоры. Её призвали в Простор Коронуса, на борт "Фортуны Бедствий". Так началась игра.

У неё никогда не было отца. Едва ли была мать. Всю жизнь ей внушали, что она не заслуживает даже того малого, что имеет. Чудом избежала Чёрных Кораблей. А теперь у неё есть всё — включая ворчливого старого сенешаля, который отчитывает её как ребёнка. И вот она видит его боль, его утрату...

— Молвил Ворон: "Никогда".

Абелард медленно кивнул, глубоко вздохнул и повернулся ко мне:

— Прекрасно сказано.

Я отвесил поклон и хлопнул в ладоши:

— Полагаю, всем не помешает небольшой перерыв.

— Отличная мысль, — поддержала Селеста.

— Однако, — продолжил я, — пока остальные освежают напитки, у меня есть особый подарок для магоса Ханойманна. Детская сказка, но я верю, что эта история об Омниссии и его трудах придётся по душе достопочтенному магосу.

— Абель? — Селеста взглянула на технопровидца. — Хочешь послушать?

Тот энергично закивал.

Придвинув два кресла, я начал рассказывать... историю Пиноккио. На манер сорок первого тысячелетия. Марионетка теперь больше механизм, чем дерево. Чистейший Машинный Дух, ни в коем случае не Разум Мерзкий. Голубая Фея стала Омниссией, Джеппетто — технопровидцем. Оригинальная история о деревянном мальчике превратилась в сборник новелл о его злоключениях в поисках Истинного Предназначения, а не человеческой плоти.

Я поведал, как Пиноккио нашёл подпрограмму КРКТ с протоколами Омниссии, как его носовые сервоприводы удлинялись при искажении истины, как еретеки по прозвищу Лис и Кот соблазняли его пропустить схолу, суля новые аугметики...

— Так он вернулся к создателю, приблизившись к пониманию своего Истинного Предназначения. Конец. Пока что, — закончил я.

Абель застыл, и я испугался, что зашёл слишком далеко... Но вдруг он разразился двоичной кантикой. Для меня — лишь скрежещущий шум, но Эхо Шахары прекрасно его понимал. Я кивнул с улыбкой:

— О Пиноккио есть и другие истории. Когда у вас будет свободный процессорный цикл, я с радостью их поведаю.

Абель снова зашебетал двоичным кодом. Я удивлённо моргнул:

— Нет ничего приятнее для сказителя, чем множить истории. Конечно, пишите свои. С радостью их прочту. И да, они могут быть о Пиноккио — он в общественном достоянии, доступен всем слугам Омниссии.

Обернувшись, я увидел Селесту и Аргенту на диване позади — они явно всё слышали.

— Эхо, — серьёзно произнесла Селеста. — Спасибо.

— Ты знаешь двоичную кантику? — удивилась Аргента.

Проклятье. Эхо Шахары молчит. Придётся импровизировать.

— Говорить не могу, — признался я. — Но на Следопыте знание кантик помогает найти работу у технопровидцев. Мать научила.

— Твоя мать, тоже Эхо Шахары? — уточнила Аргента.

— Да... — я заметил, что все вернулись с напитками. Только Ирлиет не сводила с меня пристального взгляда. Я сделал вид, что не замечаю, и вернулся в центр комнаты. — О, моя мать... Если вы считаете меня талантливым или забавным, знайте — я ничто по сравнению с ней! Будь она здесь, Винтерскейл и Чорда ползали бы под дверь, лишь бы краем уха услышать её голос! А мой дед? Целые планеты замирали, внимая ему! Эхо Шахары угасают с течением тысячелетий, всё труднее находить благодарных слушателей. Но мы живём, рассеянные, как и должно быть, храня память о Шахаре! Жемчужине среди миров, второй лишь после Священной Терры! О, сколько историй хранит это место, и я помню их все! Позвольте поведать о чуде, что звалось Великим Базаром!

Я начал рассказ, что поведал Аргенте — о Рынке Шахары и Соломенной Девушке. Теперь, не стеснённый временем, Эхо Шахары живописал базар во всех красках. Воистину дивное место, особенно в мрачном мире сорок первого тысячелетия.

Как и предсказывала Аргента, Джей увлеклась историей о Соломенной Девушке. Она больше не возлежала на софе в своём изысканном коктейльном платье, свесив босые ноги, — теперь она сидела прямо, впившись в меня взглядом. Я как раз дошёл до третьего обмена: девушка отдала стеклянный шарик за тонкую нить.

— О! О! — Джей щёлкнула пальцами. — Она находит музыканта и отдаёт её ему!

— Как чудесно, что вы знаете эту историю, госпожа Хейдари! — расплылся я в улыбке. — Ведь взамен она получила бумажный веер с начертанной молитвой...